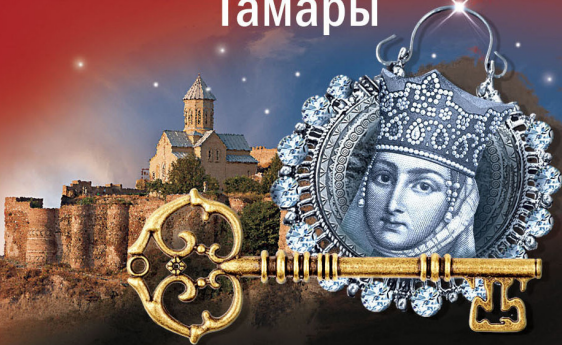

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

По преданию,
этот венец принадлежал
самой богине Афине,
а потом попал во владение
к царице Тамаре и
способствовал ее
возвеличению
в истории...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

**Венец царицы
Тамары**

Наталья Николаевна Александрова

Венец царицы Тамары

Серия «Артефакт & Детектив»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66724400
Венец царицы Тамары: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-161581-9

Аннотация

Многие люди хотели завладеть этим венцом, но он имел свою собственную волю. Венец предназначался для царицы Тамары, и его судьба была тесно связана с историей Грузии. Но охотники за ним нашлись и в наши дни...

Даша пряталась от дождя в телефонной будке, как вдруг зазвонил телефон. Незнакомец успел сказать, что ей срочно требуется куда-то поехать и кого-то предупредить, а потом из трубки послышался мучительный стон, и связь прервалась. Даша решила отправиться по продиктованному адресу, несмотря на загадочность и опасность происходящего...

Наталья Александрова

Венец царицы Тамары

© Александрова Н.Н., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Даша замахала водителю, но двери все равно закрылись, и маршрутка умчалась вдаль. И в этот самый момент начался дождь как из ведра. Даша, как мышь, метнулась через лужи и, за неимением другого укрытия, юркнула в телефонную будку.

Скрывшись от дождя, она перевела дыхание, отряхнула плащ, взъерошила волосы.

Надо же, в городе есть еще телефонные будки! Даша думала, что таксофоны остались в прошлом, вместе с ярко-красными автоматами для газированной воды и афишными тумбами, а тут – вот она, будка, и внутри висит новенький красный аппарат...

По стеклянным стенкам ползли водяные змеи, мимо проезжали машины, выбрасывая из-под колес снопы брызг, иногда пробегали одинокие пешеходы – мокрые, несчастные, растерянные, они боролись с непослушными, предательски выворачивающимися наизнанку зонтами.

Да уж, вот тебе и май месяц. Весна в Петербурге редко когда обходится без таких сюрпризов. Сейчас настоящая буря, а ведь еще и снег может пойти. Даша взглянула на часы. Ну, время у нее еще есть, Андрей не любит, когда она опаздывает. Сижу, говорит, как дурак, жду, официанты за спиной посмеиваются... Это, говорит, у вас, девочек, с детства такая установка, чтобы мальчиков непременно заставлять ждать, таким образом цену себе набиваете. Это, говорит, глупо очень.

Так что за все время их знакомства Даша опоздала-то всего, может быть, раза два, из-за транспорта, да еще начальник как-то задержал ее на полчаса. Вот тогда Андрей и высказал ей все, что думает. И не поссорились они тогда только потому, что Даша терпеть не может оправдываться. Это вроде как вину свою признать, хоть вины и нету, не на начальника же все сваливать.

Даша снова поглядела в окно будки, теперь вообще ничего не было видно из-за потоков воды.

И вдруг зазвонил телефон.

Ничего себе! Он еще и работает!

Даша удивленно смотрела на красный аппарат, а он звонил, звонил и звонил. И то ли из-за его упорства, то ли под влиянием неожиданного порыва она сняла трубку, поднесла к уху и проговорила чужим, хриплым голосом:

– Слушаю!

– Маруська, это ты? – прозвучал в трубке взволнованный,

торопливый мужской голос.

– Да... – ответила она, окончательно растерявшись.

Дело в том, что друзья и знакомые еще с незапамятных школьных времен называли ее Марусей или Маруськой – из-за фамилии. Фамилия у нее подходящая – Марусина, Даша Марусина, очень удобно в кличку переделать.

Это еще ничего, говорила мама, когда Вовка Муравьев в детском саду впервые назвал ее Маруськой, вполне прилично, а вот была бы у тебя фамилия, к примеру, Крысюк. Или Выдрина, представляешь, какую бы кличку тебе дали?

Так и получилось, что по имени в школе никто ее и не звал. Маруся – и все. И она так привыкла, вот и ответила сейчас: «Да».

Но она уже ничего не понимала. Как это может быть – выходит, это ей, именно ей звонят в уличный таксофон... но кто это? И как этот неизвестный узнал, что она здесь, что она прячется от дождя в этой будке? Да нет, бред какой-то...

– Слушай и запоминай! – торопливо проговорил голос в трубке. – Повторять некогда! Поедешь на Измайловский проспект, дом двенадцать, квартира сорок. Скажешь, что ты из «Катафракта»...

– Чего? – переспросила Даша, услышав незнакомое, непривычно звучащее слово.

– Из «Катафракта»! – недовольно повторил мужчина. – Не перепутай, иначе тебя не впустят! Как спросят в домофон – так и отвечай! Ничего не передавай, пока их не увидишь!

Только в квартире скажи, что Орбелиани в городе! Они начали действовать, так что нужно все сворачивать и срочно уходить!

Вдруг голос в трубке изменился, в нем прозвучало удивление и даже испуг:

– Как вы сюда попали? Кто вас впустил? Вы с ума сошли! Да что вы... да что...

Голос оборвался, словно захлебнувшись, и перешел в хриплый, мучительный стон. Потом раздался надсадный хрип, и наступило безнадежное молчание.

А потом послышался другой голос – более далекий, но отчетливо слышный:

– Ну что ты сделал? Зачем ты его?.. Он бы нам еще пригодился! Он много знал!

Затем этот голос стал громче – должно быть, человек взял телефонную трубку и произнес в нее:

– Кто здесь?

Тут Даша, которая до этого стояла, не двигаясь и даже не дыша, как будто превратилась в соляной столп, сбросила оцепенение и швырнула трубку на рычаг.

И тут же выскочила под дождь – слишком страшно ей было оставаться в этой будке! В ее ушах все еще звучали мучительный стон, и хрип, и второй голос – холодный, безжалостный, равнодушный. Ей казалось, что обладатель этого голоса может дотянуться до нее через телефонный провод, может схватить ее за горло...

К счастью, проливной дождь уже закончился, на лужи еще падали отдельные капли, но и они скоро прекратились, хотя небо и было затянуто тучами, но не свинцовыми, а самыми обычными, серыми, которых в Петербурге никто не боится. Дело привычное.

Даша шла по улице, не разбирая дороги, пытаясь осознать, что только что произошло.

Вообще говоря, поверить в это было просто невозможно. Сначала ей позвонил какой-то неизвестный человек – позвонил в телефонную будку, где она пряталась от дождя... Потом... потом этот человек говорил странные вещи. Просил ее куда-то пойти, что-то там передать, твердил, что это очень важно...

Она все это посчитала бы бредом сумасшедшего, если бы не явственный страх в его голосе, а потом этот мучительный стон и грубый голос, который утверждал, что этот человек им был нужен. Что это значит, что его убили?

Какой-то фильм ужасов получается. Или скорее малобюджетный боевик. Но этот стон...

Даша не могла ошибиться, у нее мало того, что слух абсолютный, так еще она может отличить все особенности интонации и определить фальшь. Этому человеку и правда было больно, плохо и страшно. Такое редко кто может сыграть.

Значит... значит, его убили?

От этой мысли Даша остановилась на месте, и на нее тут же налетел какой-то тип с картонной коробкой на плече.

Обозвав ее неприличным словом, тип пошел дальше, и Даша с необъяснимым удовлетворением увидела, что коробка вся размокла и вскоре то, что там лежит, вывалится на асфальт.

И тут она вспомнила, что ее ждет Андрей, и все посторонние мысли тут же выветрились у нее из головы. Оставшиеся несколько кварталов она почти бежала и едва успела перевести дух перед входом в кафе.

Кафе было несетевое, довольно приличное, для студентов дороговато, так что она очень удивилась, когда увидела почти полный зал. Ну да, дождь, конечно, загнал всех в помещение.

– У вас заказано? – надменно спросила у нее неправдоподобно высокая девица-хостесс, так что Даше при ее среднем росте пришлось задрать голову, чтобы посмотреть ей в лицо.

Лицо это слишком явно выражало отношение девицы к Дашиному мятому плащу и отчетливым мокрым следам, оставляемым ею на плитках пола.

Какого черта? Тоже мне, королева нашлась, можно подумать, что ее привозят на работу на машине с водителем! Была бы богата – не стояла бы при входе вместо швейцара!

Даша была от природы девушка сдержанная, неконфликтная, но жизнь, особенно в последнее время, научила ее, что если не постоять за себя, то тебя втопчут в грязь запросто. Поэтому она сощурилась и посмотрела на девицу очень выразительно, а потом, опустив глаза, хмыкнула, поскольку девица была мало того, что гренадерского роста, так еще и

на невероятно высоких каблуках, причем размер туфель не меньше сорокового.

– Нет, не заказано, – сказала Даша холодно, – но меня...

Тут она оглядела зал из-за плеча этой дылды и не нашла в обозримом пространстве Андрея. И девица скривила губы насмешливо.

– Ну, тогда я подожду! – улыбнулась Даша. – А если у вас нет мест, то табличку повесьте на дверь!

Это был бы уже перебор, так что девица пропустила Дашу в зал и ретировалась, усадив ее в самом неудобном углу.

Даша взглянула на часы, было десять минут восьмого, а договаривались они на семь. Что ж, она не станет выговаривать Андрею за опоздание, чтобы не раздражать его сразу.

Подошла официантка и положила перед ней меню.

– Кофе пока, – сказала Даша, – и погорячее, – ее и правда слегка зазнобило после прогулки под дождем.

Минуты текли, вот уже и кофе принесли, а Андрей не появлялся. Наконец Даша позвонила ему сама.

– Ты где?

– Дашутка? – закричал он, и она сразу поняла, что что-то не так.

Как уже говорилось, способности у нее были такие – различать фальшь в голосе.

– Извини, дорогая, сегодня никак не смогу! – кричал Андрей. – Тюкнулся тут с одним на перекрестке, сейчас гаишников жду! Должны приехать с минуты на минуту!

– Сильно? – спросила Даша.

– Что – сильно? – не понял он.

– Тюкнулся сильно? Ты не ранен? В больницу надо?

– А? Да нет, все нормально. Просто машину побил. Так что сегодня никак не получится, сама знаешь, как долго гаишники на место аварии выезжают!

«Понятия не имею», – подумала Даша, но в трубке уже пикало.

Вот так вот. Он не придет, потому что попал в аварию. А в прошлый раз его задержали на работе. А до этого было что-то еще. Нет, кажется, на какую-то тусовку они ходили вместе, но Андрей был невнимателен и отвез ее домой пораньше. К себе не пригласил, а она не стала навязываться. Еще не хватало.

Так. Ну не полная же она дура и понимает, что к чему. Она прекрасно знает, что мужчины терпеть не могут выяснять отношения, это мама неустанно повторяла сначала им с Анькой, а потом только ей, потому что Анька стала совершенно невозможной и никого не желала слушать. Мужик всегда хочет оставить себе запасной аэродром, говорила мама, поэтому не станет рвать отношения до конца. И боится слез и скандалов, так что самой нужно вовремя понять, что к чему.

Да что тут понимать-то? И так все ясно. Либо он другую нашел, либо Даша ему просто надоела. И мама совершенно права: ни за что прямо не скажет, будет юлить, придумывать разные причины.

Да вот хоть сегодня: ну позвонил бы заранее, так нет же, ему нужно, чтобы она сидела в кафе и ждала его как полная идиотка! В аварию он попал, как же! Забыл, что она на слух может отличить, из помещения человек звонит или с улицы? В данном случае звонил он явно из какого-нибудь клуба. Шума машин не слышно, сирены не гудят, трамваи не звенят, а слышны далекая музыка и женские смешки. Еще и позорит ее перед этими швабрами!

Хотела по-человечески с ним поговорить, и если не выяснить все до конца, то хотя бы самой понять, откуда ветер дует. Ну ладно, теперь и так все поняла.

Все-таки свинья он порядочная, ведь почти год знакомы, мог бы и по-хорошему с ней проститься, знает, что она скандалить не будет, не тот у нее характер.

– Есть что-нибудь будете? – спросила официантка.

– Буду! – неожиданно для себя сказала Даша, осознав, что с утра ничего не ела. В обед шеф привязался к какому-то отчету, так что она только чаю выпила с сухарем, что нашла у себя в столе. Думала, что тут, в кафе, поужинают с Андреем...

Она заказала салат и запеченную рыбу. Принесли все быстро, но в салате явно не хватало соуса, а рыба была суховата. Или уж просто у Даши было сегодня такое плохое настроение.

А с чего радоваться? Жизнь если не беспросветна, то и не сияет перед ней всеми цветами радуги.

Она тут же усмехнулась про себя: это от плохой погоды. И из-за Андрея. Что ж, видно придется выбросить его из своей жизни, как выражаются в мыльных сериалах. Слава богу, они не работают вместе. Нет у них общих друзей – так, знакомые просто, так что вероятность столкнуться в компании ничтожно мала.

Внести его номер в черный список, да и забыть... Так все же лучше, чем униженно слать эсэмэски и забрасывать имейлами. Даша прислушалась к себе: жалко ей с ним расставаться или нет? Получалось, что не жалко. Особой любви между ними никогда не было, встречались, ходили куда-нибудь вместе, изредка секс – необременительный и ни к чему не обязывающий. Обидно, конечно, но, может, и к лучшему все...

Тут в голове всплыл странный телефонный разговор.

Как сказал тот мужчина? Срочно ехать на Измайловский проспект и передать тем людям, что... что все плохо и им нужно немедленно уходить. Но никто им этого не скажет, потому что даже если ее собеседник останется жив, он-то будет думать, что успел их вовремя предупредить. Он-то думал, что звонит своей знакомой Марусе, и она все сделает. А она и понятия не имеет, что...

– Десерт будете? – спросила официантка, убирая тарелки.

– Буду! – машинально согласилась Даша, напряженно размышляя.

По всему выходило, что ей нужно ехать на Измайловский

проспект. Причем прямо сейчас.

Глупо, конечно, но что такого случится, если она туда съездит? Все равно делать нечего целый вечер, свидание-то обломалось... И Анька снова будет орать и ругаться, если она явится домой слишком рано: договорились же, что будем давать друг другу свободу хотя бы раз в неделю! Не могу же я привести в дом человека, когда ты за стенкой!

Ага, а Даше, значит, на вокзале ночевать, что ли? Да и нет у Аньки никого, как разбежалась со своим хахалем из Комитета по историческому наследию, так и сидит одна вечерами дома. И нечего гундеть, что она, Даша, мешает ее личной жизни.

Сама Даша, кстати, Андрея к себе домой приглашала только пару раз, когда Анька в отпуск уезжала. Правда, неудобно все-таки, когда сестра за стенкой.

После десерта, который оказался неожиданно вкусным, Даша окончательно решила, что поедет на Измайловский. Ну, даже если бортанут ее там, она скажет, что адресом ошиблась.

Она посмотрела карту в телефоне и поняла, что удобнее всего ехать на метро до Техноложки, а там пешком идти.

Пока Даша ехала в метро, погода резко переменилась, как это часто бывает весной в северной столице. Дождь кончился, облака разошлись, и на бледно-голубом весеннем небе сияло солнце, хоть и близился закат. Надо же, девятый час, а солнце всю светит. Скоро вообще белые ночи настанут.

Выйдя из метро, Даша перешла улицу, свернула на Измайловский проспект.

Двенадцатый дом оказался массивным серым каменным зданием дореволюционной постройки с полукруглыми окнами и фантастическими лепными фигурами на фасаде.

Солнце уже клонилось к горизонту, как вдруг яркий луч сверкнул между домами, упал на серую мостовую, на припаркованную рядом с подъездом темную машину, и она вспыхнула ярким бирюзовым отсветом, как надкрылья майского жука...

Даша подошла к подъезду, перевела дыхание.

В голове у нее мелькнула запоздалая мысль: «Что я здесь делаю? Зачем вмешиваюсь в чужие дела? Зачем мне чужие неприятности – своих, что ли, недостаточно?»

Но она вспомнила взволнованный, умоляющий голос незнакомца, вспомнила хриплый стон в телефонной трубке и, отбросив сомнения, нажала на домофоне четверку и ноль.

Что ей велели сказать? Какое-то странное слово...

Ну да, нужно сказать, что она из которфакта... или нет, катофракта... иначе ей не откроют...

Но она ничего не успела сказать, потому что домофон щелкнул, и дверь открылась. Никто ничего не спросил, вот просто открыли – и все. Это было странно.

Настороженная, испуганная, Даша вошла в подъезд.

Она оказалась в просторном полутемном холле. Пол его был выложен хорошо сохранившейся старинной плиткой, в

глубине его виднелся самый настоящий камин, в котором валялись старая скомканная газета и пластиковый стаканчик от кофе. Три мраморные ступени вели к лифту – тоже старинному, дореволюционному, с открытой решетчатой шахтой и маленькой, тесной кабинкой, в которую могли втиснуться не больше двух человек.

В холле стояла странная, напряженная тишина.

Даше вдруг сделалось страшно, как никогда в жизни.

Она хотела уже бросить все, выйти на улицу, к свету, к живым людям...

Но она снова вспомнила хриплый, взволнованный голос в трубке – и пошла вперед.

Ехать в лифте побоялась, ей было страшно самой идти в ловушку, в клетку кабины, похожую на огромную железную мышеловку, и она начала подниматься по лестнице.

Она ступала медленно, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. Из-за одной двери доносились фальшивые телевизионные голоса, из-за другой – шум работающего пылесоса.

Сороковая квартира была на верхнем, пятом этаже. Даша поднялась уже до четвертого, когда наверху над ней скрипнула открывающаяся дверь, и раздались приглушенные, неразборчивые голоса и странные звуки, как будто там тащили что-то тяжелое.

Даша остановилась, прижалась к стене. Сердце ее колотилось в груди, во рту пересохло от страха.

Загрел лифт, и мимо с надсадным скрежетом проползла поднимающаяся кабина.

Наверху снова раздался шум – что-то заносили в лифт, потом слышались голоса, теперь Даша смогла разобрать слова:

– Все мы в лифт не поместимся, ты поезжай с ней, а мы спустимся по лестнице...

– А она не очнется?

– Да какое там, ей такую дозу вкатили...

– А с тем что делать?

– Да ничего! Оставим все, как есть! Когда еще его найдут!

Громко хлопнула дверь лифта, и кабина снова поползла, на этот раз вниз.

Слышались быстрые спускающиеся шаги.

Даша испугалась больше прежнего. Наверху произошло что-то ужасное, она не сомневалась, что это было в той самой сороковой квартире, куда она шла, и что это связано с тем странным звонком.

Сейчас те люди, которые вышли из квартиры, спустятся на этаж и увидят ее...

И поймут, что она что-то знает... Ведь она же позвонила в домофон, и они поймут, что она идет в сороковую квартиру.

Она метнулась к одной из квартирных дверей четвертого этажа, нажала на кнопку дверного звонка...

За дверью почти сразу раздались шаркающие шаги, и старческий голос проговорил:

– Вера? Это ты? Ты что-то сегодня рано! Я тебя раньше девяти не ждала...

Даша ответила каким-то неопределенным возгласом.

За спиной у нее раздались торопливые шаги – это спустились люди с пятого этажа. Даша замерла, не сводя глаз с двери, и спиной почувствовала чей-то подозрительный, насто-роженный взгляд – но в это самое мгновение дверь открылась.

На пороге стояла толстая приземистая старуха, очень похожая на раскормленную жабу.

Даша торопливо протиснулась в прихожую – полутемную, захламленную до последней степени, мельком покосившись на лестничную площадку и успев разглядеть там силуэты двух мужчин, которые, на мгновение задержавшись, рванули вниз по лестнице. Даша облегченно вздохнула.

– Ты не Вера! – строго проквкала старуха. – Кто ты такая? Я тебя не знаю!

– Я из собеса, – ляпнула Даша первое, что пришло в голову. – Из районного...

– Вместо Веры? – оживилась старуха.

– Ага, – ответила Даша, растерянно моргнув. – Вера сегодня не смогла прийти, она с ребенком сидит.

– С ребенком? – недоверчиво переспросила старуха. – С каким ребенком? У нее уже внуки!

– Вот с внуком и сидит! У него в садике карантин! По краснухе карантин... – Даша торопливо сыпала словами.

– У Сережи?

Даша опасливо взглянула на бабуку – не ловушка ли это? Может, внука неизвестной Веры зовут вовсе не Сережа? На всякий случай она неопределенно хмыкнула и проговорила:

– Что вам сегодня нужно? Я вообще-то тороплюсь!

– Не успела прийти и уже торопишься! – проворчала старуха, но тем не менее протянула Даше сложенный вдвое листок:

– Вот список, что нужно купить. Купи на свои, потом по чеку отчитаешься, я тебе деньги верну. Главное, сметану бери не на углу, а в длинном доме, там она свежее и на два рубля дешевле!

Она строго взглянула на Дашу и припечатала:

– Я лишних денег платить не собираюсь! И так согласилась, чтобы Вера вечером приходила, а не утром!

«Вот ведь выжига!» – подумала Даша, невольно пожалев незнакомую Веру.

Она сунула список в карман плаща, вышла обратно на лестничную площадку.

Старуха еще что-то проворчала и закрыла дверь, со скрежетом повернув замок.

Даша прислушалась.

В подъезде царил тишина – видимо, те люди, кто бы они ни были, уже ушли.

Нужно было бы тоже уходить прочь и забыть обо всем – но Даша, сама не зная почему, поднялась на пятый этаж, оста-

новилась перед дверью сороковой квартиры.

Хотя, конечно, она знала причину: в ее ушах все еще звучали слова тех людей: «Когда еще его найдут...»

Из квартиры не доносилось ни звука.

Даша хотела уже развернуться и уйти, точнее, убежать – но под влиянием неосознанного порыва взялась за дверную ручку...

Дверь не была заперта, очевидно, замок нельзя было просто захлопнуть.

Даша открыла дверь и проскользнула в квартиру.

Она оказалась в прихожей – такой же тесной и полутемной, как у старухи ниже этажом, но прибранной и чистой. Короткий коридор вел к полуоткрытой двери – и Даша пошла туда.

Теперь она оказалась в большой комнате, значительную часть которой занимал старинный письменный стол темного резного дерева. По стенам располагались книжные шкафы и стеллажи, возле дальней стены стояла раздвижная китайская ширма. По золотистому шелку летели журавли, цвели хризантемы.

Даша скользнула взглядом по книжным переплетам, и взгляд ее случайно выхватил знакомое слово – «Катафракты».

То самое слово, которое она должна была назвать в качестве пароля. Слово, которое ей не понадобилось.

Даша подошла к шкафу, протянула руку, осторожно сняла

с полки книгу.

Это был толстый том в красивом переплете, на обложке был изображен воин на коне, оба – и воин, и всадник – были облачены в железные доспехи. Заголовок гласил:

«Катафракты – бронированные войска древнего мира».

«Ну вот, хоть буду теперь знать, что значит это слово...» – подумала Даша, машинально зажав книгу под мышкой.

Ее взгляд вернулся к шелковой ширме.

Она, словно мощный магнит, притягивала ее...

Даша шагнула вперед, заглянула за ширму...

И едва сумела сдержать крик.

За этой ширмой в кресле сидел человек, мужчина лет сорока с темными, тронутыми на висках сединой волосами.

В первый момент Даша подумала, что он жив. Во всяком случае, глаза его были широко открыты.

Она даже попыталась заговорить с ним:

– Что с вами? Вам плохо? Вам чем-то помочь?

Но в следующее мгновение она осознала правду.

У живых людей не бывает таких пустых, равнодушных глаз, не бывает такого выражения лица – как будто ничто больше не имеет значения, как будто все кончено, все прошло. Как будто можно больше ничего не бояться и ни о чем не думать.

Кроме того, мужчина в кресле не дышал.

На всякий случай Даша, трясаясь от страха, дотронулась до его шеи и убедилась, что пульса тоже нет. Когда-то давно,

еще в школе, она занималась спортом, и преподаватель прочитал им лекцию по оказанию первой помощи при травмах и несчастных случаях. Надо сказать, у Даши и тогда не получалось найти пульс на шее.

Но теперь, глядя на человека в кресле, она, без сомнения, поняла, что он мертв. В противном случае эти люди, что пришли в квартиру, не оставили бы его даже раненым. Побоялись бы оставить свидетеля. Побоялись бы, что он очнется и все расскажет.

Тут в голове Даши застучали молоточки, перед глазами замелькали цветные пятна, ее замутило.

Она закрыла рот рукой, вылетела из комнаты, к счастью, быстро нашла ванную комнату, наклонилась над раковиной...

Ее вывернуло, и сразу стало легче. Да, знала бы, что так случится – вообще бы не стала в том кафе есть. Во всяком случае, десерт уж точно был лишний.

Она прополоскала рот и вернулась к человеку в кресле, хоть и очень не хотелось этого делать.

Что делать? Чем теперь тут можно помочь?

Первым ее побуждением было вызвать полицию – но тут же она осознала, что не сможет разумно объяснить, как оказалась в этой квартире, в этом доме. В ее рассказ о звонке неизвестного в телефонной будке никто не поверит. И автоматически она превратится в главную, даже единственную подозреваемую.

Нет, никуда нельзя звонить... нужно скорее уходить отсюда, убежать, что есть сил, и забыть, забыть все это, как страшный сон...

Но тут в ее голове снова прозвучали слова тех людей: «Когда еще его найдут».

Она представила, что этот человек будет еще много дней сидеть в кресле, в этой же позе, с таким же отстраненным выражением лица, пока природа будет делать над ним свою ужасную работу...

Нет, она не может так с ним поступить! Если распахнуть дверь настежь, то могут заметить соседи... Но на площадке всего две квартиры, а что, если в соседней никто не живет? Либо на дачу уехали, либо в отпуск. Скорее всего, так оно и есть, иначе хоть кто-нибудь вышел бы поинтересоваться, что за шум и возня слышатся на площадке. Что же делать, что делать?

Тут у Даши мелькнула плодотворная идея.

Она вернулась в ванную, нашла тряпку, положила ее в раковину и открыла кран на полную мощность.

Через пару минут вода переполнит раковину и хлынет на пол, чуть позже она протечет к старухе ниже этажом, и та поднимет шум. В эту квартиру поднимутся люди – и найдут покойника...

Ну не сразу, конечно, но найдут. А что у бабки протечка будет – так у нее и так в квартире такое творится, что ужас! Протечкой больше, протечкой меньше...

Даша последний раз сочувственно взглянула на мертвого мужчину и поскорее вышла из квартиры, пока старая жаба ниже этажом не подняла шум.

Она хотела тихонько спуститься по лестнице, но тут внизу хлопнула входная дверь, раздались голоса и шаги нескольких человек, поднимающихся наверх, детские крики и возбужденный собачий лай.

Даша не хотела столкнуться с кем-то на лестнице, не хотела, чтобы ее заметили и запомнили, поэтому она вызвала лифт.

Кабина поднялась, громко скрежеща. Даша вошла в нее, стараясь не хлопнуть дверью.

Она подумала, что совсем недавно в этой кабине кого-то везли, явно против его воли... точнее – против ее воли, ведь Даша слышала, как те люди говорили: «Поезжай с ней», «Ей вкатили такую дозу»...

Значит, они везли в этой кабине женщину... Наверно, жену того человека...

Дашу кольнуло острое чувство вины... откуда это чувство? Ведь она ничем не могла помочь той женщине...

Или все же могла?

Отбросив эти неприятные мысли, Даша нажала на кнопку первого этажа. Кабина, дребезжа и скрипя, поползла вниз.

А Даша огляделась.

В кабине было чисто, только на полу валялась какая-то бумажка. Бумажка была не смятая, чистая, видно, ее урони-

ли совсем недавно, те, кто ехал в этой кабине перед Дашей... Ну да, в этом подъезде вообще чисто, видно, что часто убирают.

Даша машинально подняла эту бумажку, скомкала и сунула в карман плаща.

Кабина медленно ползла вниз.

Сквозь решетчатую стенку Даша увидела неторопливо поднимающуюся по лестнице семью – муж, жена, девочка лет десяти и собака, бело-рыжий терьер. К счастью, они не взглянули на Дашу, только собака негромко тьякнула...

Кабина опустилась на первый этаж, Даша выскользнула из кабины лифта, вышла из дома и торопливо зашагала к метро.

И уже на полдороге осознала, что все еще сжимает под мышкой книгу, которую прихватила в той квартире...

Она на мгновение замедлила шаги – вернуться? Поставить книгу на место? – но тут же отбросила эту мысль. Ни в коем случае нельзя туда возвращаться! Мало того, что ей просто страшно было снова входить в ту квартиру, но вода наверняка уже протекла к соседке, и там поднялся полноценный скандал...

Бог с ней, с книгой! Ее хозяин все равно мертв, ему уже ничего не нужно. Бросить книгу в урну, в мусорный контейнер?

У Даши рука не поднималась – ей с детства внушили мысль, что книга – это святое, и выбрасывать книги ни в коем случае нельзя, ведь над ней трудились так много людей,

начиная с автора и заканчивая типографскими работниками...

Ладно, она подумает об этом позже. А пока Даша убрала книгу в непрозрачный пакет и вошла в метро.

Через сорок минут она подошла к своему дому, поднялась на пятый этаж, достала из кармана ключи...

Вместе с ключами она случайно достала какую-то маленькую бумажку.

Удивленно взглянула на нее – и вспомнила, что подобрала эту бумажку в кабине лифта в том доме на Измайловском проспекте. Тогда она была чистая и гладкая, но в кармане, конечно, смялась.

Она открыла дверь в раздумье: шуметь нарочно громко, чтобы Анька услышала, или же проскользнуть тихонько, незаметно? Вдруг у сестры и правда гость, тогда будет очень неудобно, если мужик выскочит в ванную, хорошо, если в трусах. Анька при нем орать, конечно, не станет, зато потом такое устроит!

Но нет, на вешалке в прихожей висели только Анькино сиротливое пальто и Дашина куртка. И обувь внизу, под вешалкой, только женская. Точно, никто не пришел к ней, и вообще никого у нее нету, никакого мужика нет даже на примете.

Даша прислушалась. Судя по доносящимся из кухни звукам, сестра была дома. Вытяжка шумит, и едой пахнет.

Настроение сразу испортилось. Разговаривать с Анькой

ей сейчас совершенно не хотелось, тем более что Даша знала, куда свернется этот разговор.

Да что тут знать-то? Сестрица предсказуема, как пробки на дорогах. Каждый вечер скандалит, а повод всегда найдет. Сейчас и искать не надо – Даша же обещала, что придет поздно, а может, и вообще не придет. А тут явилась так рано, еще и десяти нету...

На миг она удивилась: случилось столько событий – и всего за три часа? Ну, надо же...

Даша торопливо, на цыпочках прошла в свою комнату и плотно закрыла дверь. Плащ и сумку тоже втащила, чтобы Анька не заметила и не приперлась ругаться. У Даши сил нету ей отвечать.

Она села на диван и перевела дух. Перед глазами стояло мертвое лицо того мужчины, его широко открытые глаза. Значит, все правда, и тот звонок в телефонную будку никак нельзя считать глюками или игрой воспаленного воображения.

На столе лежали ее трофеи – книга и бумажка.

Она внимательно взглянула на эту бумажку.

Это был чек, вернее – талончик, какие выдает водителям автомат на парковке, чтобы зафиксировать время для оплаты стоянки. В верхней части талона было напечатано название – «ООО Галеон», ниже – сегодняшняя дата и время: четырнадцать двадцать.

Даша машинально отметила это, отложила талон в сторо-

ну и заглянула в книгу.

На первой же странице она прочитала:

«Катафракты, или катафрактарии, – тяжелая кавалерия в эпоху Античности и раннего Средневековья. Обычно катафрактами называют парфянских конников, тогда как тяжелых кавалеристов Рима и Византии обозначают термином «катафрактарии».

Воины таких отрядов были защищены пластинчатой броней или кольчугой, так же как и их кони. Основным оружием катафрактвов было длинное и тяжелое копье, так называемый контос. Это копье было смертоносно при массовой конной атаке, но бесполезно в ближнем бою и только мешало в гуще сражения. Закованный в броню воин был хорошо защищенным, но неповоротливым.

Кроме того, в те времена еще не было стремян, и поэтому пехотинцы могли легко стаскивать всадников с лошадей. Поэтому тактика отрядов катафрактвов заключалась в том, чтобы наносить мощный удар по войску противника, а затем отходить в сторону, чтобы повторить свою смертоносную атаку или предоставить действовать легкой кавалерии или пехоте.

Тем не менее отряды тяжелой конницы играли большую роль в сражениях Древности и значительно повлияли на историю Древнего мира. В битве при Каррах именно тяжелая конница парфян нанесла сокрушительное поражение войску гордого римского полководца Красса, несмотря на почти десятикратное численное превосходство римлян и их боевой

опыт, и тем самым помогла Парфянскому царству остановить продвижение Римской империи на восток. Этому роду войск и посвящена данная книга...»

На этом предисловие заканчивалось, и Даша вздохнула. Читать эту книгу ей категорически не хотелось, да и времени жалко. Ну что она может там найти? Подробное описание битвы римлян с этими самыми парфянами? Перечисление всего вооружения воина-катафракта? Тактику и стратегию древней войны?

Нет, эта пыль веков ей совершенно неинтересна, уж очень все скучно и воинственно. Она отложила книгу и потянулась. Спать, что ли, лечь пораньше и подумать обо всем завтра. Завтра суббота, на работу идти не нужно.

От книги пахло стариной и еще чем-то незнакомым и даже опасным. Даша снова вспомнила мертвые глаза ее владельца и вздрогнула, как будто на нее повеяло вдруг ледяным ветром. Нужно принять горячий душ и лечь спать.

Она осторожно приоткрыла дверь, выглянула в коридор и прислушалась. У сестры в комнате работал телевизор, какие-то люди говорили фальшивыми голосами явно на повышенных тонах. Да, крути ни крути, а в ванную надо идти.

Она накинула халат и вышла в коридор. И тут же столкнулась с сестрой, которая выходила из кухни с подносом. А на подносе, как Даша успела заметить, было полно разнообразной еды: и горячий бутерброд неприличных размеров, и сдобное печенье с корицей, и еще две шоколадные конфеты.

Все ясно: Анька снова начала есть. У нее всегда так: как только хахаль продинамит, так она сразу это грустное событие заедает.

– Ты дома? – От неожиданности сестра едва не выронила поднос, с трудом удержала, но чашка качнулась, и горячий чай выплеснулся на печенье, которое тут же размокло и оплыло. – Черт! Нарочно так подкрадываешься!

– Ты же на диете! – не удержалась Даша. – Сама говорила только утром, что новую диету пробуешь!

Ох, зря она это сказала! Потому что Анька посмотрела на нее с такой ненавистью, что Даша даже сделала шаг назад. Страшно с ней в одной квартире оставаться, еще прирежет ночью. Или подушкой придушит. Вон она какая здоровая, снова вес набирать начала.

– Что так рано? – прошипела сестра. – Тебя в очередной раз бортанули?

«А тебя?» – хотела прошептать в ответ Даша, но сделала над собой усилие и с трудом удержалась. Кто-то же должен остановиться.

Она бочком проскользнула в ванную, а когда вышла, дверь в комнату сестры была плотно закрыта.

Даша легла, но сон не шел, разгулялась, пока с Анькой цапались. Вот всегда у них так, сколько себя Даша помнит, всегда ее сестра ненавидела. Разница у них семь лет, в детстве, конечно, это много, но сейчас-то Аньке тридцать пять, Даше двадцать восемь, вроде бы не так и много. А им все

неймется.

Сестра у Даши, как говорят, единоутробная, отцы у них разные. Мама с Анькиным отцом развелась, потом второй раз замуж вышла и Дашу родила. И первые воспоминания у нее о сестре самые нехорошие. Щиплет кто-то большой, кричит, ругается, по попе шлепает. Вот так Анька с ней общалась.

Правда, тогда она в первый класс пошла и утверждала, что маленькая Даша тетрадки ей рвала, учебники портила, школьную форму пачкала. Ну, так что с ребенка спросишь, она же маленькая совсем была, не понимала, за что Анька злится. Родители, видно, на Аньку за это ругались, а она все на младшую сестру переносила.

Потом, когда Даша подросла немножко, тоже Аньку невзлюбила, бояться ее перестала, начала ябедничать. И правду, и неправду – все родителям доносила. Сейчас, конечно, гордиться нечем, потому что Аньке от отчима доставалось.

Странно, Даша отца своего почти не помнит, хотя прожили они с мамой до самого ее пятнадцатилетия. Как закончила Даша восьмой класс – так и развелись родители. А до этого все скандалили. Вечно они ругались, мама нервная стала, похудела сильно. А Анька подростком, наоборот, толстая была, все время на нервной почве ела. Пока школу не закончила, вообще невозможной была. С матерью ругалась постоянно, отчиму хамила, с Дашей они, бывало, вообще дрались.

Да уж, есть что вспомнить.

Пока маленькая была, Даша к отцу ластилась, как всякая дочка. Да только он не больно ею занимался. Погладит по головке, конфету в лучшем случае сунет, да и пропадет куда-нибудь. Мама все ворчала, что его вечно дома нету.

Как потом Анька Дашу просветила, отец был фантастическим бабником, просто ни одной юбки пропустить не мог. Из-за этого у родителей все скандалы и были.

Один раз Анька его засекала прямо с поличным, матери тут же наступала, жуткий скандал был, все соседи узнали. Вот тогда отец собрал вещички, да и ушел к той бабе, с которой Анька его застукала.

Даша думала, что мать совсем с катушек сойдет, а она, наоборот, поспокойнее стала, глаза не такие дикие, на них с Анькой больше не срывалась.

Развелись родители официально примерно через год, с тех пор Даша отца больше не видела. Квартиру он на них троих оформил и пропал из их жизни, алименты какие-то грошовые изредка присылал, а потом и они прекратились. Мама работу нашла получше, Даша школу закончила, в институт поступила, подрабатывала, а Анька тогда со своим парнем жила, квартиру они снимали.

Года три так продержались, потом вернулась сестра, с парнем разругавшись вдрызг. Хоть похудела к тому времени, на фитнес стала ходить, но все равно характер скверный остался. Стали все вместе жить, тут их с Анькой вражда по новой

началась.

Квартира хорошая, комнаты большие, светлые, но всего две. Раньше в одной жили родители, в другой – они с сестрой. В детстве еще куда ни шло, а когда взрослые обе, тогда, конечно, трудноато привыкнуть. К себе никого не позвать, не уединиться, как в старой песне поется: «Придешь домой – там ты сидишь!»

У Аньки характер ужасный, это мама всегда говорила, она, Даша, конечно, тоже не подарок, надоело все спускать... в общем, не жизнь у них пошла, а война Алой и Белой Розы.

Хотела Даша даже с парнем своим тогдашним квартиру снимать, да денег не было, так что дальше намерения дело не пошло.

Даша с детства хорошенькой была девочкой, сестра еще из-за этого на нее злилась. Как родственники в гости придут – так Дашу хвалить начинают. Ну, потом и родственников у них не осталось, бабушка умерла, а отцовская родня вся отгородилась от них, когда родители развелись. Дашу эту мало заботило, как уже говорилось, она и к отцу-то не слишком была привязана, так что уход его перенесла безболезненно. И он никаких попыток не делал с ней встретиться. Ну и ладно.

Во время учебы было у Даши полно друзей, парни вниманием не обходили, была парочка романов, с одним даже вместе жить собирались. Но прикинула Даша их финансовые возможности и решила, что не потянут они квартиру

снимать. А к себе тоже никого не приведешь, Анька волком смотрит, может и сказать что-нибудь нелестное.

Даша работу нашла, где платили неплохо, пару раз на море съездила, гардероб свой обновила, на курсы вождения пошла, но тут кризис разразился, и машину она так и не купила.

А года три назад позвонила отцовская новая жена и сообщила, что отец умер скоропостижно от инфаркта, «Скорая» до больницы довезти не успела. И что похороны тогда-то и там-то.

«Иди, – мама сказала, – неудобно будет, если дочь родная не придет». Ну, Даша и пошла. Там родня была, сильно поредевшая, с Дашей и слова они не сказали, с работы отца все незнакомые, вдова в трауре, сын ее от первого брака, молодой, а уже лысый, все в сторону Дашу оттеснял.

Даше до того тошно стало, что и на поминки не пошла. Хотела незаметно уйти, да перехватила ее одна женщина незнакомая.

Я, говорит, Толина тетка, да не родная, а двоюродная. Родню эту не слишком привечала, противные они все, а с тобой хочу познакомиться поближе. Обменялись телефонами, да и пошли своей дорогой.

Дома Даша матери рассказала про похороны и выбросила все из головы. Анька еще злорадно так прошипела, что ничего Даше не обломится из папочкиного наследства, там вдова заранее все на себя перевела. Даша с мамой только вздохну-

ли тогда.

Анькин отец умер давно в ужасающей нищете, потому что со временем стал алкоголиком и пропил все, что только можно. От некачественного спиртного и загнулся. Даша помнит, как приходила его мать и обвиняла во всем ее маму, хотя прошло так много лет с тех пор, как она его бросила. Бабка была совершенно жуткая, и мама потом сказала, что она тоже приложила руку к их разводу, невестку она терпеть не могла и к единственной своей внучке не испытывала никаких чувств.

Прошло еще несколько месяцев, и мама сказала вечером, что выходит замуж за своего старого школьного друга.

– Не поздно ли? – первой опомнилась Анька, пока Даша молчала в полном удивлении. – Тебе сколько лет? На пенсию уже пора! О душе пора подумать!

– Пятьдесят четыре, – спокойно ответила мама.

Она вообще была очень спокойной и сдержанной, Даша поняла, что решение мама приняла, и не стоит ее переубеждать, да и зачем? «Да, – сказала мама, – это будет третий муж, и последний». Она надеется прожить с ним до глубокой старости, в общем, как бог даст.

– Да, я два раза была замужем. Первому мужу изменяла я, потому что с ним было невыносимо скучно. Да еще свекровь внесла свою лепту, ну, вы ее видели. Второй муж бесконечно изменял мне, но такого веселья я никому не пожелаю. Однако развестись с ним никак я не решалась, все думала – как

же я одна с двумя останусь, хотя если честно, то отец из него никакой был, ты, Дашка, спорить не станешь. Так что когда он сам ушел, я за него цепляться не стала.

– А с чего ты решила, что с третьим мужем у тебя все непременно будет хорошо? – это Анька, конечно, не утерпела, задала вопрос.

– Да потому что я его знаю, как облупленного! Знаю, что он любит и чего не переносит, знаю, чего он опасается и чего не станет терпеть ни в коем случае! Мы с ним семь лет за одной партой просидели, понимали друг друга не то чтобы с полуслова, а с полувзгляда!

– Так то когда было! – не выдержала Даша. – Вы же тогда детьми были...

– Люди не меняются, – твердо сказала мама, – все недостатки и достоинства так с ними и остаются. Просто в детстве и юности они могут не проявиться, и мы не все замечаем. А его я отлично знаю! И он меня тоже! В общем, милые доченьки, я все твердо решила, и спорить об этом мы не будем.

Далее мама сообщила, что ее будущий муж купил дом за городом и они туда переезжают в скором времени. Он будет ездить на работу, а она займется ремонтом и садом. А квартиру эту она оставляет дочерям, но выписываться отсюда не станет, потому что дочки, к ее сожалению, живут как кошка с собакой и обязательно квартиру станут делить. А как тут двушку делить? Получится только две комнаты в коммуналке. Так что постарайтесь ужиться здесь.

Анька опомнилась и заорала, что мать просто оставляет себе запасной аэродром, если и с третьим браком ничего не выйдет, так что Даше захотелось стукнуть ее по глупой голове, да посильнее. Но мама в ответ на это только тихо рассмеялась, и тогда даже до сестры дошло, что мама счастлива.

С тех пор они с сестрой живут вдвоем, точнее, каждая сама по себе. Анька целеустремленно пыталась выйти замуж или хотя бы найти себе обеспеченного мужчину. Долго окупчивала одного типа из Комитета по историческому наследию, даже до Даши кое-какие сведения доходили.

Но не вышло, не решился он на развод. С тех пор Анька совсем с катушек сошла, скандалит по поводу и без повода, а уж как сегодня, когда очередной хахаль продинамил, то она есть начинает и сразу в весе прибавляет. Такая уж у нее особенность, за то и на Дашу злится, что фигурами они не похожи.

У сестры в комнате вдруг оглушительно заорал телевизор, и Даша стукнула в стенку. Анька звук приглушила, все же первый час уже, соседи тоже слышат.

Марк Лициний Красс, двукратный консул, триумвир, разделивший власть в Риме с Гнеем Помпеем Великим и Юлием Цезарем, победитель Спартака (впрочем, этой победой он не слишком гордился – велика ли честь разбить войско рабов и гладиаторов), наместник Сирии, командующий огромной армией, выступившей против Парфянского царства, спал в

своем походном шатре. Даже во сне ему было жарко, и он сбросил на пол легкое покрывало.

Марку Лицинию снился сон.

Ему снилась греческая богиня Афина во всем блеске своей славы. Богиня возвышалась над ним и говорила гулким, мощным, всепроникающим голосом:

– Слушай меня, триумвир! Слушай меня, полководец! Слушай внимательно! Я, Афина Паллада, дочь Зевса Громовержца, обещаю тебе, что тебя не победит никакое вражеское войско, превосходящее числом твою армию! Я обещаю тебе, что у тебя будет больше золота, чем ты захочешь!

– Благодарю тебя, богиня! – воскликнул Марк Лициний. Он любил военные победы, еще больше он любил следующие за ними почести, но больше всего он любил золото. Блеск золота опьянял его сильнее вина, волновал больше эсенской красоты.

– Благодарю тебя, богиня! – повторил полководец – и в то же мгновение проснулся. Его разбудил голос дежурного центуриона Секста Полибия.

– Игемон! – повторил центурион уже не первый раз. – Проснись, игемон!

– Что такое? – пробормотал Красс, с трудом оторвав голову от подушки. – Зачем ты разбудил меня? Мне снился такой прекрасный сон! Божественный сон! Вещий сон! Мне снилась греческая богиня Афина, и она была ко мне благоклонна...

– Прости меня, игемон, но с тобой хочет говорить царь местного племени.

– Сколько я уже перевидал этих царьков... – недовольно проворчал полководец. – Стоит ли разговор с еще одним того, чтобы прерывать мой сон?

– Он очень настаивает на встрече с тобой и говорит, что тебе очень понравятся его слова.

– Ладно уж, допусти его ко мне. Но смотри, чтобы этот варвар вошел в мой шатер безоружным.

– Конечно, игемон!

Центурион вышел – и не прошло и минуты, как в шатер вошел худощавый старый человек в красном дорожном плаще, с выдубленным горным солнцем лицом. Центурион шел следом, подозрительно следя за горцем.

Тот остановился в нескольких шагах перед полководцем и склонил голову.

– На колени! – приказал центурион и наполовину вытянул из ножен свой меч.

– Можешь убить меня, – проговорил горец, не поворачиваясь, – можешь убить на этом самом месте, но никто в моем роду не вставал на колени. Я прожил долгую жизнь, но до сих пор ни перед кем не вставал на колени. И сегодня тоже не встану.

– Но до сих пор ты не встречал великого римского полководца! Не встречал одного из величайших людей мира! Перед ним преклоняли колени великие цари, не тебе чета!

– Я склонил голову перед полководцем – это самое большее, что мне позволяет честь.

Центурион вытащил меч до конца и вопросительно взглянул на Красса.

Триумвир снисходительно махнул рукой:

– Ладно, пусть стоит.

Ему стало любопытно – с чем пришел к нему этот самоуверенный старик.

Красс обратился к просителю:

– Кто ты и чего ты от меня хочешь?

– Я – царь ашуров, чья земля лежит на твоём пути, государь. Наш народ невелик и небогат, мы владеем одной каменной долиной между горами. Эта долина – все, что у нас есть. Я пришел просить тебя, господин, чтобы твое войско обошло нашу землю. Если все твое войско пройдет через нее – оно вытопчет наши посевы, и нашим детям нечего будет есть.

– Ты не знаешь, о чем просишь, старик! Мне нужно как можно быстрее дойти до владения парфян, чтобы сокрушить их царство. Если я пойду в обход, я потеряю драгоценное время. Уходи, я больше не намерен тебя слушать.

– Подожди еще только одну минуту, господин. Много лет тому назад в наши края пришел другой великий полководец – Искандер Двурогий, которого вы, римляне, называете Александром Великим. Он пришел сюда на пути в Индию.

– Да, я знаю об этом.

– Но ты не знаешь другого, господин. Его солдатам так понравились эти места, что некоторые из них решили остаться здесь навсегда. С ними остался один из военачальников Искандера, он и был моим далеким предком. От него у меня осталась священная реликвия. Это – драгоценный венец, который подарила самому Искандеру великая богиня. Та, кого греки называют Афиной. Мои предки много лет хранили этот венец, но если ты, господин, соизволишь обойти нашу землю стороной, я подарю этот венец тебе.

– Этот венец при тебе? – с интересом спросил старика Марк Лициний.

– Да, господин.

– Покажи его мне!

Старик достал из складок своего красного плаща тяжелый кожаный мешок, развязал его и достал оттуда золотой венец удивительной красоты. Венец этот представлял собой венок из ветвей, усыпанных сверкающими самоцветными камнями, которые своим блеском наполнили шатер триумвира.

Глаза Красса вспыхнули жадным блеском. Сердце его взволнованно забилося.

Он осторожно взял этот венец и возложил его на свою голову. Венец оказался ему впору.

И тут великая радость наполнила его сердце.

Не случайно именно сегодня ему приснилась великая греческая богиня!

Этот сон был вещим, венец горного царя тому подтверждение.

Этот венец принесет ему долгожданную военную удачу и сказочное богатство. Как сказала в его сне Афина? Никакая вражеская армия, превосходящая его войско, не одолеет его. И золота у него будет больше, чем он захочет.

Ну, предположим, это смешно. Разве золота может быть слишком много? У него, Марка Лициния Красса, сундуки ломятся от золота, но ему все равно хотелось бы еще больше...

– Какова будет твоя воля? – напомнил смуглый старик о своем существовании.

– Что ж, пусть будет по-твоему! – милостиво проговорил триумвир. – Мое войско обойдет твою страну! В конце концов, в этих краях есть и другие дороги!

– Благодарю тебя, римлянин!

– Следует называть великого полководца игемон, – строго произнес центурион.

– Благодарю тебя, игемон!

Утром Даша проснулась свежей и полной энергии. В окно светило весеннее солнце, и жизнь обещала ей... обещала что?

Она вспомнила свои вчерашние приключения – загадочный звонок в таксофоне, похоже, что окончательный разлад с Андреем, приключения на Измайловском проспекте... ве-

сенним утром все это казалось таким далеким, таким нереальным... такого просто не бывает, а если и бывает – то не с ней, а с кем-то другим.

Так, может быть, все это ей только приснилось?

Да нет, сны не бывают такими детальными, подробными, отчетливыми. И потом... вот же, на столе лежит толстый том, которого у нее не было, книга о древних воинах...

Даша вспомнила неживые глаза мужчины из той квартиры на Измайловском проспекте, его мертвенно-бледное лицо, вспомнила, как она бежала оттуда, трясась от страха.

Настроение резко испортилось.

И еще больше оно испортилось, когда Даша услышала доносящиеся из коридора звуки – шаги, скрип двери, звяканье посуды...

Это сестра. И с чего это она встала так рано? Обычно в выходной спит до полудня, если никуда не надо. Запахло кофе... ага, у Аньки с утра пораньше снова жор настал.

Даша выждала, когда звуки затихнут, и проскользнула в ванную, потом – на кухню.

Сестра оставила на кухне включенным маленький телевизор. Даша почувствовала привычное глухое раздражение – вечно у нее включен телевизор... ведь не смотрит же и не слушает, сейчас вообще завтракает в постели, у нее там свой телевизор включен!

Тут же она устыдилась – нельзя так раздражаться сразу с утра! Нужно к сестре как-то приноровиться, быть терпи-

мее... не обращать внимания, наконец...

Тем не менее она потянулась к пульту, чтобы выключить телевизор – но остановилась на полпути, потому что увидела на экране знакомое лицо, мужчину лет сорока пяти с тронутыми сединой висками и неподвижными, пустыми, широко открытыми глазами.

Мертвого мужчину.

Того самого, которого она видела накануне в квартире на Измайловском проспекте.

И вместо того, чтобы выключить телевизор, Даша прибавила громкость.

Мертвый мужчина исчез, вместо него на экране появилась тележурналистка – коротко стриженная девица с круглыми, как пуговицы, голубыми глазами.

– Вчера в одно из отделений полиции Адмиралтейского района поступил звонок от пенсионерки, проживающей на Измайловском проспекте. Женщина жаловалась на то, что ее заливают соседи сверху. Полицейские переадресовали ее в управляющую компанию, однако женщина продолжала настаивать.

В конце концов, к ней отправился участковый уполномоченный Черешнев. Поднявшись в квартиру, откуда текли потоки воды, он нашел там труп гражданина Чхония, тысяча девятьсот семьдесят шестого года рождения. Первоначальной версией смерти была естественная кончина от сердечного приступа, однако при осмотре тела на руках погибшего

были обнаружены следы веревок и синяки...

В это время за спиной у Даши прозвучал насмешливый голос сестры:

– Говоришь, что у меня вечно включен телевизор – а сама тоже его смотришь! И нет бы какой-то приличный концерт, а то – криминальные новости!

– Подожди, – отмахнулась Даша, – дай послушать...

– Да что там слушать? – накручивала себя сестрица. – Ерунда какая-то! Неужели тебе это интересно?

Девушка на экране уступила уже место толстому типу в форме, он комментировал какую-то аварию.

Не хотелось снова ругаться с Анькой, но Даша не удержалась:

– Ну да, а твое любимое ток-шоу – это, конечно, не ерунда! Этот твой... Карabasов!

– Карабанов! – зло поправила сестра.

– Какая разница! И еще там одна, наберет убогих – обиженных жизнью баб и стравливает их друг с другом! А они рассказывают в подробностях, как их мужики бросали!

– Ах ты... – Анька выпалила неприличное слово и пулей вылетела из кухни.

Даша слегка устыдилась, не нужно было брошенных женщин упоминать, у сестры это болезненное место. Вот Даша, к примеру, инцидент с Андреем довольно спокойно восприняла. Противно, конечно, но не смертельно. Знал же он, что любви особой между ними не было, так мог бы и прямо ска-

зать, а он врет и запирается. Так что придется привыкать к мысли, что они расстались.

Да, но если Анька об этом узнает, вряд ли ей станет легче. Позлорадствует, конечно, для вида, но и все. Нет, нужно с сестрой осторожнее быть, себя в руках держать, а то и до драки дело у них дойдет.

Она повернулась к экрану, там толстяк в погонах исчез, и ведущая перешла к следующему событию.

– В бизнес-центре «Галеон» на Светлановском проспекте минувшей ночью произошло убийство. Погибший – гражданин Магомедов, охранник центра, мужчина пятидесяти четырех лет. По предварительной версии, он поссорился со своим коллегой, другим охранником, Тимофеем Прилукиным, сорока шести лет, после совместного распития спиртных напитков. В результате ссоры Магомедову было нанесено восемь ударов ножом, три из которых оказались смертельными. Второй участник ссоры исчез, в настоящее время он объявлен в розыск...

– Галеон! – проговорила Даша вслух.

Ведь именно это название было на том чеке – или талоне, – который она нашла в лифте на Измайловском... Даша сорвалась с места и полетела к себе. Ну да, вот он, талон со стоянки этого самого «Галеона». Она еще вчера подумала, что выронил его кто-то из тех людей, что убили того мужчину на Измайловском... как же его фамилия... ага, Чхония... грузинская, что ли?.. И тогда же ночью в том «Галеоне» про-

изошло убийство.

Странно, сказали, что драка началась после распития спиртных напитков. Охранники все же, на работе находятся, не бомжи какие-то, чтобы водку паленую в подвале распивать... «Странно, конечно, но мне-то какое дело, – опомнилась Даша. – Пускай полиция разбирается».

– Тебя к телефону! – Анька шарахнула ногой в дверь.

Все ясно: тетя Таня. Та самая двоюродная тетка отца, с которой познакомились они на его похоронах. Обменялись тогда телефонами и разошлись. А через неделю она позвонила. Причем мобильных не признавала, звонила всегда по квартирному. Анька вечно ворчала, что она тем телефоном не пользуется, и надо от него отказаться, да у Даши все руки не доходили. Опять же тетка звонит...

Тетя оказалась старухой непротивной, жила одна и управлялась пока самостоятельно. Сначала Даша навещала ее изредка, а после того, как показала ей тетка завещание на квартиру на имя Марусиной Д.А., то приходила раз в неделю по выходным. Тетя Таня была ей рада, но ни на чем не настаивала.

– Дашенька, ты? – Даша насторожилась, потому что голос у тети Тани был какой-то усталый, непривычный.

– Что случилось? Вы заболели?

– Да не то чтобы, но...

Далее выяснилось, что у тети Тани давление. Причем прямая старуха ни в какую не признавалась, какое точно.

Но сейчас уже лучше, вчера был врач, сделали укол, она даже потихоньку встает, но вот на улицу выходить не может, поскольку голова кружится. И Арчи...

Арчибальд был средний черный пудель, единственная отрада в тети-Таниной жизни, ее верный друг и товарищ. Иногда Даша подозревала, что и ее-то старуха привечает из-за Арчи; она дала слово, что если что-то случится, то она о собаке позаботится.

– Вчера-то соседка с ним погуляла, – продолжала тетя Таня, – а сегодня они все с утра на дачу уехали. Так что...

– Все поняла! – перебила ее Даша. – Пускай Арчи еще часок потерпит, я приеду!

И заметалась по комнате, торопливо одеваясь.

Подкрасилась наспех, накинула скромную курточку и старые джинсы, поскольку Арчи имел обыкновение приветствовать ее, вставая лапами, и выскочила из квартиры. И только в маршрутке ей пришла в голову мысль, что тетя Таня живет на Светлановском проспекте, не так уж далеко от того места, где расположен бизнес-центр «Галеон», пешком дойти можно минут за двадцать.

Тетя Таня встретила ее в прихожей, хоть у Даши и были свои ключи. Была тетка бледна, и видно, что слаба, но не в халате, и постель застелена, хоть и небрежно. Тетка сказала, что ей лучше, и лежать ни за что не будет, посидит просто. Есть не хочется, а хочется свежего воздуха и кофе, но кофе

врач запретил.

Дальнейшую беседу прервал Арчи, недвусмысленно дав понять, что больше терпеть не может и за себя не ручается, так что Даша подхватила его, сунув в карман только ключи и телефон на всякий случай.

Пудель потянул ее к большому парку в Сосновке, там и побегать можно вволю, и с другими собаками встретиться, но Даша свернула в другую сторону.

– Уж извини, но мне нужно по делу, – сказала она Арчи, не уточнив даже в мыслях, какое у нее может быть дело в этом «Галеоне».

Двадцать минут идти не получилось, Арчи все время отвлекался, обнюхивая каждый столб и деликатно задирая лапу на те, что ему понравились.

Бизнес-центр «Галеон» оказался большим современным зданием из стекла и металла в форме лайнера, с ровными рядами круглых окон, напоминающих иллюминаторы. Сходство с кораблем еще усиливалось из-за того, что вокруг, как торосы в северном море, были разбросаны полузаброшенные промышленные корпуса. Огромное производственное объединение рядом потихоньку сдавало свои позиции.

Бизнес-центр был похож на корабль и еще на огромный чемодан, совершивший на своем веку не одно кругосветное путешествие и сверху донизу облепленный наклейками крупных лайнеров и отелей. Это были названия и логотипы

фирм, чьи офисы размещались в центре.

Даша прошла мимо бизнес-центра, оглядываясь по сторонам.

Она не представляла, что он такой большой, и не знала, что делать дальше. Ну, допустим, неизвестные злоумышленники припарковали здесь свою машину. Но это не значит, что они здесь работают. А даже если и работают – кто знает, в какой из десятков фирм?

Кроме того, вряд ли в этом многолюдном центре можно спрятать похищенного человека. Слишком много вокруг людей, слишком много любопытных глаз...

Да, похоже, что она только зря потратила время.

Даша хотела уже уйти, как вдруг заметила, что к одному из соседних заводских корпусов подъехала большая темная машина. Как раз в это время разошлись облака, и в просвет между ними выкатилось солнце. Его лучи упали на машину, и она вспыхнула бирюзовым отблеском, как надкрылья майского жука.

Даша застыла на месте.

Точно таким же отблеском сверкала машина, которую она видела возле дома на Измайловском проспекте!

Да это наверняка и есть та самая машина!

Машина остановилась перед тронутыми ржавчиной железными воротами. На вид эти ворота едва не разваливались, как и все заводское здание. Но тут они автоматически раздвинулись, видимо, внутри ворот имелось вполне современ-

ное устройство.

Значит, вид запустения обманчив...

Машина въехала внутрь, и ворота бесшумно закрылись.

Арчи вдруг бросился вперед. Даша, не ожидавшая от него такой прыти, не удержала поводок, и ощутивший свободу пес устремился вперед вдоль заводского забора.

– Арчи, ты куда? – крикнула Даша и бросилась за пуделем.

Пес, не обращая на нее внимания, бежал вперед. Добежав до угла, он скрылся за поворотом. Даша бежала за ним, ругая пуделя последними словами.

Завернув за угол, она увидела, что, или, точнее, кто вызвал у Арчи такой приступ непослушания.

Впереди, по безлюдному переулку, вдоль заводского забора бежала с самым независимым видом неказистая беспородная собачонка. За ней-то и устремился любвеобильный пудель. Собачонка изо всех своих собачьих сил делала вид, что не замечает Арчи и у нее имеются в этом переулке свои собственные дела.

– Арчи, паршивец, стой! Назад! – закричала Даша, прибавив ходу. – Ко мне! Ко мне, тебе говорят!

Однако пудель не обратил на ее призывы никакого внимания. Все помыслы его нехитрой души были устремлены к очаровательной нахальной собачонке.

Дворняжка по-прежнему делала вид, что не замечает пылкого ухажера. Вдруг она свернула к забору, точнее, к проделанной в нем неприметной калитке. Поднырнув под эту ка-

литку, она исчезла из поля зрения.

Арчи бросился следом.

– Арчи, не смей! – закричала Даша без надежды на успех...

Пудель, как и прежде, не обратил на нее внимания и следом за четвероногой соблазнительницей пролез под калитку.

– Да чтоб тебя! – в сердцах выпалила Даша, подбежав к этой калитке и переводя дыхание. – И что мне теперь делать?

Она мрачно глядела на калитку и думала, как будет оправдываться перед тетей Таней. Надо же – не уследила за ее любимцем! Если этот паршивец Арчи потеряется, тетка ей никогда этого не простит!

На всякий случай она подергала калитку – но та не поддавалась, видимо, была закрыта изнутри.

Между калиткой и забором был небольшой просвет. Даша заглянула в этот просвет и увидела, что калитка закрыта на простой крюк. Такой крюк запросто можно открыть, если просунуть в эту щель что-то узкое и длинное...

Даша заглянула в свою сумку и тут же нашла подходящий предмет – обычную пилочку для ногтей. А что, это, пожалуй, подойдет, если не сломается...

Она просунула пилку в просвет, подняла крюк.

Калитка с ревматическим скрипом открылась.

За ней обнаружился пустой, заброшенный заводской двор, где стояли какие-то постройки непонятного назначения и валялись пустые ящики и коробки. В пределах види-

мости не было ни души, и было тихо, как на кладбище, только из-за приземистого здания красного кирпича доносилось собачье поскуливание.

Даша пошла на эти звуки.

Обойдя кирпичную постройку, она, наконец, увидела непослушного пуделя.

Арчи стоял перед большим металлическим ящиком вроде мусорного контейнера и скулил, уставившись на него. Собачонки, за которой он бежал, не было видно.

Даша бросилась к пуделю, схватила его за поводок и облегченно вздохнула.

– Ну как тебе не стыдно, – проговорила она, – ты же приличный, воспитанный пес, а ведешь себя, как... как все мужчины! Стоило тебе увидеть смазливую собачонку, и ты тут же забыл о своем воспитании и о моральных принципах! Кстати, о морали – где твоя подружка? Сбежала? Продинамила тебя?

Хорошо бы просто отстегать паршивца поводком, но тетя Таня неоднократно просила ее никогда этого не делать. Арчи – очень ранимый, трепетный и самолюбивый пес, к нему нельзя применять физические меры наказания, он может заболеть от уязвленной гордости. Или вообще уйти из дома. Так что нужно просто поругать его за каждый проступок и объяснить, что так делать нехорошо. И Даша усвоила урок, сама над собой подсмеиваясь. Вообще-то Арчи ей нравился, и они прекрасно ладили до сегодняшнего дня.

Пудель продолжал скулить, не отходя от контейнера.

– Пойдем уже, пока нас никто не застучал! Здесь явно нельзя находиться посторонним! – С этими словами Даша потянула пуделя обратно, к калитке.

Арчи, однако, уперся всеми четырьмя лапами и не отходил от контейнера, жалобно подвывая и с каким-то странным выражением глядя то на Дашу, то на железный ящик.

– Да пойдем же отсюда! Тут такая грязь, ты перемажешься! Ты такой чистенький, подстриженный и лезешь в помойку...

Пудель скулил и не поддавался на уговоры. Ну не на руках же его тащить, все же не карликовый пудель, а средний.

– Ну что там такое? – Даша подошла ближе и неохотно заглянула в контейнер...

И едва не закричала.

На дне этого контейнера поверх каких-то замасленных обрывков и кусков сырого картона лежал в позе эмбриона, подтянув колени к груди, человек. Мужчина в черной униформе, средних лет, судя по редующим, тронутым сединой волосам.

– Мама!.. – пролепетала Даша.

Первым ее побуждением было немедленно убежать отсюда, бежать, куда глаза глядят – но непонятно какая сила остановила ее. Ноги приросли к земле, как будто пустили корни, так что назад ходу не было. Арчи перестал скулить и жался к ее ногам. Даша с трудом оторвала одну ногу от земли и по-

качнулась, едва не упав. Показалось ей или нет, что мужчина шевельнулся? Это меняет дело.

И Даша перегнулась через край контейнера, потянула незнакомца за плечо и неуверенно проговорила:

– Эй! Вы как? Вы живы?

Мужчина не шелохнулся. Она потянула чуть сильнее – и тут он перевалился на спину.

Она увидела его лицо, оно было неживого землистого цвета, глаза полуоткрыты и безжизненны.

На груди у мужчины была светлая нашивка с надписью «Охрана», а на шее, на узкой тесемке, висел пластиковый бейдж с именем... приглядевшись, Даша прочла это имя – Тимофей Прилукин.

И тут в голове у Даши прозвучал голос диктора из утренней криминальной сводки:

«... Второй участник трагически закончившейся ссоры, предположительно охранник Тимофей Прилукин, исчез, в настоящее время он объявлен в розыск...»

«Вот он и нашелся», – успела подумать Даша.

Больше она ничего не подумала – она вскрикнула, отскочила от контейнера с его страшным содержимым и бросилась наутек. К счастью, при этом не выпустив из рук поводок, и Арчи больше не сопротивлялся – должно быть, он хотел только, чтобы Даша увидела страшное содержимое контейнера... А теперь совершенно успокоился и бодро трусил рядом. Вот вредный пес!

Даша бежала несколько минут, не разбирая дороги. Арчи семенил рядом, то и дело поглядывая на нее с интересом.

«Ты как? – спрашивал его взгляд. – В порядке?»

И у нее не было сил остановиться и отлупить как следует это чудовище.

Наконец Даша осознала, что бежит слишком долго, а калитки все еще не видно. Она остановилась и огляделась по сторонам...

Они с Арчи явно заблудились и находились теперь где-то в глубине заводской территории. Вокруг были полуразрушенные кирпичные строения, груды мусора и металлолома.

– Арчи, – жалобно сказала она, – ищи дорогу! Ищи! Ты же все-таки собака...

Арчи сел и посмотрел на нее очень выразительно.

«Ты случайно не забыла, что я не служебно-разыскная собака и не охотничья?»

«Дурак декоративный!» – в свою очередь подумала Даша.

Вдруг из-за груды мусора появился невысокий кряжистый дедок, одетый явно не по сезону – в ватник и шапку-ушанку. На груди поверх ватника лежала окладистая пегая борода. В руках у деда было какое-то допотопное ружье, при виде которого в голове у Даши всплыло неведь откуда взявшееся слово «берданка».

– Стой, стрелять буду! – рявкнул дед и действительно поднял свое антикварное оружие.

– Не стреляйте! Не стреляйте, дедушка! – взмолилась Да-

ша.

– Какой я тебе дедушка? Тоже мне, нашлась внучка-снегурочка! Видал я таких внучек...

– Ну, извините... только стрелять не надо.

– Не надо, говоришь? А стоило бы стрельнуть солью! На долгую и добрую память, как говорится...

– Не надо...

– Не надо? Тогда говори прямо – что ты здесь делаешь? И как ты сюда попала? Тут, между прочим, охраняемая территория, – дед с явным удовольствием произнес заковыристое слово, – и я за нее, как сторож, ответственность несу!

Даша хотела было уже рассказать сторожу про труп в мусорном контейнере – но какой-то инстинкт остановил, удержал ее. Уж слишком много за последнее время творится с ней непонятных и опасных вещей, не следует рассказывать обо всем первому встречному, хоть он и ответственное лицо. Она жалобно взглянула на старика и пролепетала:

– Да вот собачка у меня убежала, пудель... – Даша кивнула на Арчи, который сидел рядом с послушным и благовоспитанным видом, – и забежал сюда, под калитку пролез... и мне за ним пришлось... собачка ведь не виновата...

– Пудель-шмудель... – проворчал дед, но все же опустил ружье. – А как ты через калитку-то пробралась?

– А она открыта была, – проговорила Даша, сделав честные глаза. – Иначе бы я разве посмела?

– Открыта, говоришь? – Дед недоверчиво нахмурился. –

С чего бы это она открыта, когда я ее самолично закрывал? Неужто у меня уже с этой... с памятью плохо стало? Рано, вроде бы... еще только восьмой десяток пошел...

Арчи вдруг выдал длинную выразительную руладу. Сторож взглянул на него и произнес:

– Ладно, так и быть, для первого раза прощаю. Идите прочь со своим шумуделем!

– А где та калитка? Как нам отсюда выйти? – жалобно проговорила Даша.

– Да вот эту будку обойдешь и увидишь! – Сторож показал на маленькую кирпичную постройку.

Даша завернула за нее – и действительно увидела калитку в заводском заборе. Только калитка была не та, эта запиралась на железный засов, который снаружи нипочем не открыть. Они с Арчи вышли и пошли по переулку. То есть Арчи бежал, с интересом обнюхивая каждый камень, а Даша плелась за ним, заново переживая и обдумывая свои удивительные приключения.

Что же такое с ней происходит?

Второй раз за два дня она натывается на труп... и второй раз никому об этом не говорит.

Правда, вчера ее никто не видел на месте преступления, а сегодня сторож застал совсем рядом. И явно вспомнит ее, когда дело дойдет до расследования... правда, она там ничего не трогала... хотя нет, как раз трогала...

Даша вспомнила, как дотронулась до плеча покойника,

чтобы перевернуть его, убедиться, что он мертв. Наверняка на его одежде могли остаться ее отпечатки...

Но ведь он явно уже давно мертв...

Ну да, с ночи. Заступил на дежурство вчера, а потом их с напарником обоих убили. И инсценировали все, как будто мужики по пьянке поссорились. Водку небось разлили, закуску разложили. Один труп на месте оставили, другой – в контейнере спрятали, потом вывезут и закопают где-нибудь, а полиция так и будет искать этого Прилукина, думая, что это он убийца.

Но почему убили несчастных охранников?

Да потому, тут же поняла Даша, что они могли что-то видеть. Сегодня она сама видела здесь ту машину, которая была на Измайловском, и ночью она тоже могла сюда приехать, привезти ту женщину похищенную. Уж в таком заброшенном месте кого угодно спрятать можно. А охранники что-то заметили, вот их и...

И она, Даша, не нашла ничего умнее, как сунуться в самое логово. Потому что сторож ведь наверняка в курсе, что там творятся криминальные дела. Тоже мне, ответственное лицо!

За такими безрадостными мыслями Даша дошла до конца переулка, как вдруг кто-то окликнул ее:

– Маруся! Ты ли это?

Даша вздрогнула и попятилась.

Она вспомнила, как ответила на звонок неизвестного в те-

лефоне-автомате. Тот тоже назвал ее Марусей – и к чему это привело!..

Она вскинула глаза – и от сердца отлегло.

– Это ты, Апостол! – проговорила Даша с заметным облегчением.

Это был Вовка Муравьев. Тот самый Вовка, который еще в детском саду назвал ее Марусей, Маруськой – и это прозвище прилепилось к ней надолго.

Самого же Вовку гораздо позже, уже в школе, куда они тоже ходили вместе, прозвали Апостолом – тоже из-за фамилии. Когда они на уроке истории проходили восстание декабристов, и им среди прочих персонажей рассказали про Муравьева-Апостола, как раз она, Даша, заявила на весь класс:

– Вовка, да ты же у нас не просто Муравьев, ты у нас Муравьев-Апостол!

С тех пор его все так и называли – Муравьев-Апостол, или, для краткости, просто Апостол.

– Апостол! – повторила Даша. – Надо же, какая встреча! Ты как здесь оказался?

– Да так, по делам... – ответил он уклончиво. – А ты?

– А я вот... собачку выгуливаю. Тетина собачка. Арчи, познакомься! Это – Апостол!

Арчи вежливо тьякнул.

Даша пригляделась к Вовке.

Они не виделись несколько лет, и эти годы явно пошли ему на пользу – он раздался в плечах, стал серьезнее, муже-

ственнее. Подстрижен явно в дорогом салоне, чисто выбрит, одет просто, но аккуратно, сидит все на нем отлично.

Тут Даша осознала, что на ней самой простенькая курточка и недорогие джинсы, и кроссовки старые. Да еще и вымазалась, наверно, пока за Арчи по помойкам бегала. И накрашена кое-как, и растрепана, что он о ней подумает? Ясное дело, что дела у нее плохи, работы хорошей нету и парня тоже нету приличного. Потому что никакая женщина не выйдет в таком виде из дому, если живет с обеспеченным человеком. Он ей не позволит, чтобы она его позорила.

Даша вовремя спохватилась, чтобы эти мысли не отразились у нее на лице. Вовка хоть и мужчина, но со школы она помнит, что был он парень неглупый.

Она сделала приветливое лицо и посмотрела на школьного приятеля с легкой улыбкой.

– Симпатичный какой стал...

– Да я и был-то... – Он невольно приосанился и тут же рассмеялся. Смех был такой же, как в школе – искренний и заразительный, так что Даша невольно засмеялась в ответ. И даже Арчи залаял весело.

– Что мы тут стоим? – опомнился Вовка. – Давай посидим где-нибудь, поболтаем...

– Да я в таком виде... – растерялась Даша, – за Арчи вот бегала, вымазалась вся, он только с виду такой паинька, а на самом деле хулиган, каких мало.

Арчи тут же посмотрел на нее укоризненно – мало ли что

было, необязательно перед незнакомым человеком меня ругать. Незачем сор из избы выносить.

– Пойдем, там в «Галеоне» кафешка простенькая, но кофе варят прилично, – и он потянул ее ко входу в бизнес-центр, хоть Даша и не хотела туда идти.

Тем более что у входа стояли полицейская машина с мигалкой и еще парочка обычных, но вылезали из них люди хоть в штатском, но сразу ясно, что полицейские. Ну да, убийство же у них тут. И только Даша знает, что двойное.

От этой мысли холодок пробежал по спине, Даша невольно вздрогнула.

– Что с тобой? – Вовка сильной рукой подхватил ее за локоть.

– Так... устала что-то. Нужно и правда кофе выпить, а то сегодня не завтракала...

И снова расстроилась: теперь он точно подумает, что дела у нее никудышные, раз даже на еду не хватает. Потому что на часах уже двенадцать, так что можно было успеть позавтракать. А она вот не успела, к тете Тане торопилась.

Но оправдываться Даша не любила, такое уж у нее свойство характера, поэтому решила махнуть на все рукой.

Ну, какая разница, что бывший одноклассник о ней подумает? Сейчас выпьют кофе – и разойдутся. И когда еще встретятся? И не станет он болтать о том, в каком виде Маруську встретил, вот если бы кто из бывших одноклассниц ее в таком прикиде увидел, тогда, конечно, было бы непри-

ятно, а так...

Кафе оказалось маленьким, но уютным, и так упоительно там пахло кофе, что у Даши едва не закружилась голова.

– Привет! – сказала девушка за стойкой. – Что будешь... будете? – Это она заметила Дашу и Арчи, который жался к ее ногам. – А с собаками к нам нельзя!

– Мы тихонько, – Вовка взял Арчи на руки, – в уголке посидим, он послушный...

Он заказал два кофе и горячие бутерброды. Даша едва успела проглотить голодную слюну.

– Ты часто тут бываешь? – спросила она.

– Да нет, пару раз всего заходил... – он почесал пуделя за ухом, – а ты испачкалась, вот тут...

Даша взглянула и ахнула – весь рукав был вымазан чем-то белым. Ясное дело, перемазалась, когда мертвое тело трогала в мусорном контейнере.

– Я сейчас! – Она сорвалась с места, но перед этим поймала в зеркале его взгляд – острый, внимательный.

В туалете она долго чистила куртку и мыла руки, потом пригладила волосы наспех и снова расстроилась. Ну что за вид!

Рядом с Вовкой она кажется какой-то замарашкой.

Хотя... вот интересно, что он тут делает субботним утром? Сказал, у него дела. И какие же, интересно? Девушка эта за стойкой явно хорошо его знает, ишь, как засветилась, как его увидела, без фонаря обойтись можно! А он говорит,

что всего пару раз в этом кафе был. Ой, темнит что-то Вованчик, шифруется по привычке...

Есть, конечно, мужчины, которые всегда врут, даже по мелочи. Даже без пользы для себя. Но Вовка раньше совсем не такой был. И мама говорила, что люди не меняются: раз был в школе прямой и честный, то таким и остался. Конечно, если не притворялся. Но она-то Вовку знает как облупленного, десять лет в одном классе проучились. Да еще в садике года три...

Вернувшись, она застала очень милую картину. Апостол аккуратно отрезал маленькие кусочки от горячего бутерброда и давал их с руки Арчи. Пудель мгновенно слизывал их и смотрел умильно.

– Мою порцию не троньте! – забеспокоилась Даша.

Они посидели минут сорок, вспоминая школу и перебирая общих знакомых. Даша честно рассказала про заболевшую тетку и про любвеобильного пуделя, который помчался за какой-то дворняжкой, а так бы они гуляли в Сосновке. Вовка слушал внимательно, но про себя ничего не рассказывал, а потом Даша забеспокоилась, как там тетя Таня, и ушла, взяв на вынос еще один бутерброд и кофе без кофеина.

Тетка приношению очень обрадовалась, с удовольствием выпила кофе, и аппетит сразу появился, поэтому, наскоро прибравшись в квартире, Даша ушла, договорившись с соседским мальчишкой Шуриком о прогулках с собакой.

На следующее утро Даша вышла на кухню, чтобы приготовить себе чашку кофе.

На кухне снова работал телевизор.

Нет, ну что это такое!

У сестры в комнате стоит большая плазменная панель, которая включена чуть не круглые сутки, так ей этого мало, и она включает телевизор на кухне! Что, боится пропустить какие-то чрезвычайно важные новости?

А может, дело не в этом?

Может, Анька просто не выносит одиночества и включает телевизор, чтобы создать иллюзию общения, иллюзию чье-то живого присутствия в доме?

Даша взяла пульт, чтобы выключить телевизор... и вдруг застыла на месте.

На экране возникло женское лицо, что-то вроде фотографии, удивительно ей знакомое. Отчего-то кольнуло сердце.

Даша прибавила звук.

Голос за кадром проговорил:

– Если вы знаете эту девушку, если вы с ней встречались – позвоните по этому телефону...

И в нижней части экрана под портретом появился телефонный номер.

Затем изображение на экране сменилось, вместо портрета на нем появилась коротко стриженная девица с круглыми, как пластмассовые пуговицы, голубыми глазами, ведущая криминальных новостей, которая бойко сыпала слова-

ми:

– Фоторобот, который вы только что видели, составлен со слов Валентины Карповны Леденцовой, той самой пенсионерки, которая вызвала полицию в доме на Измайловском проспекте, благодаря чему было обнаружено тело гражданина Чхония. Следствие разыскивает эту девушку, которая является свидетельницей преступления, а возможно, и подозреваемой.

Господи помилуй! Чашка выпала у Даши из рук и со звоном разбилась об пол. Так вот почему это лицо на экране показалось ей знакомым! Еще бы, ведь это же ее собственное лицо! Надо же, бабка-то оказалась какой приметливой...

– Нам удалось поговорить с Валентиной Карповной... – гнула свое ведущая.

Изображение снова сменилось.

Теперь на экране была та самая тетка, похожая на раскормленную жабу, с которой Даша разговаривала накануне. Тетка была преисполнена чувства собственной значимости и говорила своим противным квакающим голосом:

– Она, значит, сказала, что Вера, а только никакая она не Вера! Что я, Веру не узнаю? Ничуть она на Веру не похожа!

– Кто это – Вера? – задал вопрос невидимый журналист.

– Вера-то? Вы не знаете, что ли? Вера – она ко мне ходит, по хозяйству помогает и за продуктами... только та, что вчера приходила – никакая не Вера, а я точно знаю, кто она!

– Кто же? – с живейшим интересом осведомился журна-

лист.

– Мошенница она, вот кто! Хорошо, я ей денег не дала, только список, чего купить, а то плакали бы мои денежки!

– Что еще вы можете рассказать про ту девушку?

– Говорю вам, никакая она не девушка, а мошенница, аферистка, шарлатанка!

– Это мы уже поняли. А как она выглядела? Что говорила?

– Выглядела обыкновенно. Глаза наглые, хитрые, сразу видно, что аферистка... плащ серый, с карманами...

«Плащ выбросить...» – подумала Даша с сожалением. Жалко. Плащ был новый, она его и поносить-то толком не успела.

– Денег я ей, конечно, не дала, – продолжала жаба, – только вот протечка у меня такая, что просто кошмар! Придется ремонт делать, а кто за него заплатит?

Изображение снова сменилось, на экране опять была стриженная ведущая.

– Еще раз напоминаю нашим зрителям, – проговорила она, – что эта девушка разыскивается органами следствия как свидетель убийства в квартире на Измайловском проспекте!

«Ага, как свидетель, – с тоской подумала Даша, – к ним попади как свидетель – сразу подозреваемой сделают! И сказать-то нечего. В квартире была? Была. Ну так милости просим в камеру!»

На экране снова появился фоторобот.

– Что это ты здесь смотришь? – раздался за Дашиной спиной голос сестры.

Даша вздрогнула от неожиданности и схватилась за пульт.

– Ищут кого-то? – проговорила Аня, равнодушно взглянув на экран. – Разве можно найти человека по такому фотороботу? Он на кого угодно похож, хоть на тебя.

– На меня ничуть не похож! – Даша выключила телевизор, быстро выскользнула из кухни и скрылась в своей комнате, не заметив, что сестра пристально посмотрела ей вслед.

«Дашка, – подумала Аня, – какая-то встрепанная, беспокойная в последнее время. Все время вздрагивает, оглядывается по сторонам, голову в плечи втягивает затравленно. Боится, что ли, кого? Спросить – так ни за что не скажет. Да ей, Анне, и неохота в чужие проблемы влезать, со своими бы как-нибудь разобраться... Хотя, если честно, то нет у нее теперь никаких проблем. Потому что с Виталием расстались они окончательно. Надо же, столько сил в него вложила, так рассчитывала, что он надоевшую жену бросит, а он в последний момент соскочил».

Вспомнив про свое поражение, Анна едва не застонала в голос. Как они встретились в последний раз, как он отводил глаза и бормотал, что не может бросить семью, что они прожили с женой много лет.

Да нажитое делить не хочет, жена обдерет его как липку, небось хорошего адвоката под рукой держит! Нарочно, подлец, на улице с ней встретился, чтобы Анна скандал не за-

катила!

А как хотелось ему всю морду расцарапать. Еле сдержалась тогда. И Дашка, разумеется, обо всем догадалась, смотрела ехидно, с детства врединой была, вечно матери на нее жаловалась. А теперь вот неприятности у нее, это точно. Ну и наплевать, сама пускай разбирается.

Даша успела прихватить на кухне упаковку ржаных сухариков, больше ничего не было. Странно, что и это осталось, раз на Аньку напал очередной жор. В комнате она захрустела сухариком и задумалась.

Мерзкая тетка запомнила ее, и с ее слов даже составили вполне похожий фоторобот. Конечно, город у нас большой, и найти в нем человека не так просто, но если ее все же найдут... Вдруг там камеры видеонаблюдения рядом есть, опять же какая-то новая теперь система распознавания лиц...

Даша попыталась вспомнить, что она делала в той квартире, до чего дотрагивалась. Выходило, что ее отпечатки вполне могли там остаться. Так что если ее найдут и сличат отпечатки пальцев с теми, что остались в квартире, – дела ее плохи...

Упекут, как пить дать, и слушать не станут про странный звонок, и похищенную женщину не станут искать.

Тут оживилась совесть. Действительно, судя по всему, женщину полиция не ищет. А что, если она была не женой этого самого убитого Чхония, а подругой или гостьей? Тогда

они и знать ничего про нее не знают, и никто ее искать не станет.

Что делать?

Единственное, что приходило в голову – самой разобраться в этом загадочном деле. Но как? Она понятия не имеет, куда сунуться. С другой стороны, она и так уже завязла в этом деле, как говорится, по самые уши, и самое главное – ей никто не поможет.

Вот так вот, вроде бы всю жизнь в Петербурге прожила, и друзей-приятелей полно, а обратиться не к кому. Родные? Мама далеко, да чем она поможет? А сестрица только позло-радует, так что придется самой уж. Не к Андрею же обращаться, про него нужно забыть.

Телефон пискнул, и Даша проверила сообщения. Вот как раз он – легок на помине!

«Дашунчик, прости за вчерашнее, обещаю исправиться! Сейчас занят, но мы обязательно встретимся на днях!»

Вот что ему от нее надо? Даша стерла сообщение, не отвечая, затем выпила воды и задумалась.

С чего все началось?

С того странного звонка в телефоне-автомате. Если бы она не зашла в ту будку, чтобы спрятаться от дождя, если бы не сняла трубку, ничего бы не случилось...

Но сейчас бесполезно думать о том, что было бы, если бы...

Что случилось, то случилось, как говорится, фарш невоз-

можно проверить назад. Теперь нужно думать, как выкрутиться. А раз так, нужно все вспомнить...

Даша принялась восстанавливать в голове тот странный разговор.

Когда она сняла трубку, неизвестный проговорил:

«Маруся, это ты?»

И она призналась, отозвалась на свое школьное, точнее, детсадовское еще прозвище. Опять же, если бы... проехали.

Как только она отозвалась, незнакомец велел ей ехать на Измайловский, подняться в ту злополучную квартиру...

Ах да, он еще велел сказать, что она из «Катафракта», иначе, мол, ее не впустят.

Тогда она впервые услышала это слово и понятия не имела, что оно значит. Потом прочла то же слово на обложке книги и узнала, что так называли конных воинов в древности...

Но какое отношение те древние воины имеют к нашему времени и к нашему городу?

Незнакомец велел ей сказать, что она из «Катафракта». Значит, это название какого-то места или, скорее, какой-то фирмы. Ну, проверить это несложно...

Даша включила компьютер и задала в поисковой строке слово «катафракт».

Машина тут же выдала ей кучу статей про древних воинов, про их вооружение, про войны и битвы, исход которых они решили...

Все это было, мягко говоря, не в тему.

Но потом, продравшись сквозь заросли исторических статей и колючий кустарник рефератов, Даша нашла небольшую статью о частном музее старинного оружия с таким же названием, об антикварном магазине «Щит катафракта» и, наконец, об издательском доме «Катафркт».

Издательство показалось ей наиболее подходящим объектом для поисков.

Даша открыла его сайт и выяснила, что издательство «Катафркт» существует в нашем городе уже двадцать лет, что оно расположено на Васильевском острове и специализируется на издании небольшими тиражами книг по истории Древнего мира и Средневековья, которые издаются по большей части за счет авторов. Что в издательстве работают квалифицированные редакторы, многие из которых имеют филологическое и историческое образование.

В общем, сразу стало ясно, что издательство небольшое, не слишком процветающее и что оно не выпускает бестселлеры.

К сожалению, на сайте не было списка сотрудников, так что Даша не смогла узнать, работает ли там некая Мария или Маруся, за которую ее принял тот человек, с которым она разговаривала по телефону...

Даша на всякий случай записала адрес издательства.

Ехать или звонить туда в воскресенье не имело смысла, так что она решила никуда не ходить, нигде не маячить, си-

деть дома и заниматься хозяйственными делами. Ну, в магазин можно сбегать быстренько, продуктов купить, а то Анька строго следит, чтобы Даша ничего ее не брала. Да что там брать-то, она сама все съест, просто как бульдозер какой-то загребаёт...

С утра в понедельник на Дашу обрушились всевозможные рабочие проблемы, и она благополучно забыла об издательстве «Катафракт» и своих планах. После обеда шеф выглянул из своего кабинета и окликнул Люсю Незабудкину:

– Люся, отвези документы на Третью линию!

На Третьей линии Васильевского острова располагался офис их контрагента, фирмы «Азимут». Ездить туда, особенно возить туда документы, было для всех сотрудников страшным сном, мукой мученической, потому что в техническом отделе «Азимута» работала Вероника Петровна, невыносимая зануда, которая выносила мозги сотрудникам, придираясь к каждой букве в документах. И почему-то она особенно мучила именно Незабудкину.

– Василий Евгеньевич, – заныла Люся, – я никак не могу, у меня голова болит!

– Что значит – не могу? – нахмурился шеф. – Ты, вообще, здесь работаешь или просто служишь украшением интерьера? За что я тебе деньги плачу?

– Или это деньги... – фыркнула Незабудкина.

– Василий Евгеньевич, – подала голос Даша, – я могу от-

везти, мне не трудно!

Она вспомнила, что там же, на Третьей линии, рядом с «Азимутом» находится издательство «Катафракт».

– Ну ладно, отвези ты! – Шеф протянул Даше папку.

– Дашка, я твой вечный должник! – благодарно прошептала Незабудкина. – Проси все, что хочешь!

– Бельгийский шоколад! – проговорила Даша.

– Ну, это уже перебор! Проси что угодно, но в пределах разумного.

– Вот так всегда... – делано вздохнула Даша и отправилась на Васильевский.

Ей повезло, Вероника Петровна была в командировке, и вместо нее документы принял молодой парень, который ни к чему не придирался, ему все было до лампочки. Даша управилась с делами за полчаса, отказалась от предложенного парнем растворимого кофе и отправилась в офис «Катафракта».

Издательство это располагалось в большом полуподвальном помещении.

Даша спустилась по ступеням, протертым сотнями ног, и оказалась перед мрачным пожилым охранником, который строго уставился на нее и произнес суровым тоном:

– К кому? Зачем? На каком основании?

Даша ничего не успела ответить, как вдруг из глубины помещения вылетела миниатюрная особа с беспощадно завитыми светлыми волосами, похожая на овцу романовской по-

роды.

– Семен Степанович, это ко мне! – проблеяла она, подхватив Дашу под локоть. – Это ведь вы мне звонили? Вы ведь Косточкина?

– Вообще-то я... – начала Даша, но завитая особа ее не слушала. Она с неожиданной силой поволокла ее по извилистому коридору, при этом бормоча:

– Пойдемте в мой кабинет, там все и обсудим!

Даша решила не сопротивляться. Блондинка втолкнула ее в крошечный кабинетик, где едва помещались обыкновенный рабочий стол с допотопным компьютером и кружкой остывшего кофе, а также два офисных стула, обитых потертым кожзамом, усадила на один из этих стульев и перевела дыхание.

– Семен Степанович раньше в режимном предприятии работал, – пояснила она, заглядывая в Дашины глаза. – Там привык к таким строгостям. Все требует, чтобы мы ввели пропускную систему. Для сотрудников – постоянные пропуска, для авторов и других посетителей – временные или розовые... то есть разовые... никак не поймет, что с этими пропусками у нас вся работа затормозится!

Она снова глубоко вздохнула, откинулась на спинку стула и проговорила совсем другим тоном:

– Ну, у нас работа идет, можете не волноваться. Уже готов макет вашей книги. Сейчас мы его вам покажем...

– Но я вообще-то... – начала Даша. Она хотела сказать,

что ее с кем-то перепутали, но завитая особа не дала ей вставить ни слова. Она схватила телефонную трубку и проблеяла в нее:

– Мария Михайловна, принесите мне, пожалуйста, макет Косточкиной! Срочно!

Даша прикусила язык и замолчала. Она решила пока не признаваться в своем невольном самозванстве и взглянуть собственными глазами на возможную Марусю.

Не прошло и минуты, как дверь кабинета открылась, и в него вошла женщина средних лет и весьма крупного телосложения. Кабинет явно не был рассчитан на ее габариты, и в нем сразу сделалось тесно, как в метро в час пик.

– Вот этот макет! – проговорила вошедшая низким, густым басом, от которого кружка на столе жалобно задрезжала. – Кому его показать? – Она скользнула взглядом по Даше, как будто не замечая ее.

– Вот, автору, Косточкиной! – Блондинка выхватила у Марии Михайловны стопку листов и протянула Даше. – Вот видите, мы работаем... так что смело можете посылать вторую часть денег... кстати, хочу вам сказать, что мы все в восторге от вашей книги! Такой психологизм, такое проникновение в образ героя!

Даша поняла, что Мария Михайловна никак не может быть той самой Марусей – телефонный собеседник Даши не обратился бы к ней по уменьшительному имени, да и ее голос никак нельзя было спутать с Дашиным. Она машинально

взяла у блондинки листы, машинально взглянула на верхний и прочла:

«Кристина Косточкина. Как стать другом своего кота».

– Это не она! – прогудел бас Марии Михайловны.

– Что значит – не она? – переспросила блондинка.

– Не она, не Косточкина! Не ее эта дурацкая книга!

– Не может быть, что вы такое говорите?

– Да, она совершенно права! – вклинилась в разговор Даша. – Я не она... то есть не Косточкина. Это действительно не моя книга. У меня и кота-то нет!

– Не вы? – растерянно проблеяла блондинка. – А что же вы мне сразу не сказали?

– Да я несколько раз пыталась сказать, да вы мне и слова не дали вставить!

– А что же вам тогда нужно? – Блондинка забрала у Даши листы, вернула их Марии Михайловне и добавила вполголоса:

– Заберите этот бред! Хоть бы глаза мои его больше не видели!

В ответ на Дашин недоуменный взгляд она проговорила:

– Вы не представляете, какие книги иногда приходится издавать! Но что поделаешь, авторы платят деньги, а кто платит – тот и заказывает музыку...

Мария Михайловна сложила листы и собралась уходить.

– А вы вообще кто? – спросила у Даши завитая блондинка. – Вы по какому вопросу?

– Я хотела издать у вас книгу и звонила по телефону... Я разговаривала с вашей сотрудницей, ее тоже зовут Мария... но только это не вы... – Она бросила взгляд на Марию Михайловну.

– Понятное дело, не я! – фыркнула та и вышла. В кабинете сразу стало свободнее.

– Так с кем вы говорили? – продолжила разбираться блондинка.

– Я же говорю – с Марией... только не с Михайловной... та была моложе...

– Не знаю, у нас в издательстве другой Марии нет.

– Но как же... не может быть... она сказала, Маруся...

– Ах, так это вы с Марусей говорили!

– Ну, я же вам так и сказала!

– Вы сказали – с Марией, а она никакая не Мария! Она вообще Марина, Марина Бабочкина...

– Вот оно что! И где же ее найти?

– Она работает в третьей комнате. Это вам нужно пройти прямо по коридору, потом возле кулера свернуть налево, подняться на две ступеньки, там и будет третья комната...

Даша поблагодарила свою собеседницу и вышла в коридор. В последний момент та крикнула ей вслед:

– Когда будете подниматься, обязательно нагнитесь!

Даша прошла по полутемному коридору, увидела стоящий в углу кулер, свернула налево. Там действительно были две крутые ступеньки, ведущие наверх. Даша поднялась по

ним и ударилась головой о низкий потолок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.